

14. Методичні рекомендації до видання джерел усної історії // Усна історія Степової України / Запорізький край. — Запоріжжя: АА Тандем, 2008. — Т. 1. — С. LV – LXV.
15. «Повітова столиця». Літопис історії Бердянська очима кореспондентів «Одеського Вісника» (1876 – 1893 рр.) // Упорядники: І. І. Лиман, В. М. Константінова. — Бердянськ – Невинномиськ: РА «Тандем – У», 2007. — 380 с.
16. Селяни і місто: феномен сприйняття урбанізаційних процесів у селянській традиції (матеріали історико-археографічних експедицій Північним Приазов'ям) / Упорядник В. М. Константінова. — К., 2012. — 416 с.
17. Трансформації релігійності в умовах полікультурного регіону (матеріали археографічних експедицій Північним Приазов'ям) / Упорядник І.І. Лиман. — Запоріжжя: АА Тандем, 2011. — 360 с.
18. Чоп В. М., Лиман І. І. «Вольный Бердянск»: місто в період анархістського соціального експерименту (1918 – 1921 роки). — Запоріжжя: РА «Тандем – У», 2007. — 478 с.
19. «Юне місто». Літопис історії Бердянська очима кореспондентів «Одеського Вісника» (1827 – 1860 рр.) // Упорядники: І.І. Лиман, А.М. Піменов. — Бердянськ – Ростов-на-Дону: РА «Тандем – У», 2007. — 358 с.
20. Lyman I., Konstantinova V. Organizing and conducting oral historical expeditions as an innovation in education (experience of Berdyansk state pedagogical university) // The fifth international conference “Education and innovation”. Gori state teaching university, Georgia. — GORI, 2012. — P. 39 – 43.

И. И. Лыман

АНТИ-«ГОРОД-НЕВЕСТ»?:

ОБРАЗ ЗАПОРОЖЬЯ КАК «КАЗАЧЬЕГО МУЖСКОГО СОЮЗА», ИЛИ «НА ЗАПОРОЖСКУЮ СЕЧЬ ЖЕНЩИН НЕ ПУСКАЛИ»

В формировании стереотипов восприятия городов, регионов, стран немаловажную роль играет историческая традиция, которая, в свою очередь, базируется отнюдь не исключительно на «реальной конкретно-исторической основе». Будучи в Иванове, мне неоднократно приходилось слышать о нём как о «городе невест» и о том, что нынешняя демографическая ситуация уже довольно давно этому образу не соответствует. Как представителю Запорожского края и исследователю, в том числе и истории запорожского казачества, мне тогда пришла мысль: а ведь образ Иваново является прямо противоположным образу Запорожья казачьих времен, который, с некоторыми корреляциями, эксплуатируется и доныне! Обращение к проблеме региональных идентичностей, дает прекрасную возможность для дальнейших размышлений о характере соотношения исторических реалий и мифов, о механизмах формирования последних, о специфике влияния на образы определенных территорий реальных фактов, событий, процессов и тенденций, имевших место в прошлом, их

преломления в народной традиции, конкретноисторической конъюнктуры и целого ряда других факторов.

Целью этой статьи и является изложение в заявленном контексте комплекса проблем, связанных с образом Запорожья.

Сегодняшний образ города Запорожья как исторического центра, «столицы» земель запорожского казачества во многом развился в советское время, после того, как бывший уездный город Российской империи Александровск был переименован, выиграв таким образом в конкуренции за «запорожское наследие» у своего соседа, экс-губернского центра империи Екатеринослава.

Причем важными составляющими «казацкого образа» города Запорожья стало восприятие в массовом сознании Запорожья не только как бывшего центра казачьих земель, но и как «колыбели запорожского казачества», четкая ассоциация города с Запорожской Сечью.

Закреплению последнего мифа во многом способствовало как создание еще в советские времена на входящем в черту города острове Хортица музея, ныне носящего название «Музей истории запорожского казачества», и строительство с 2004 г. на этом же острове Историко-культурного комплекса «Запорожская Сечь», который даже в архитектурном плане во многом является псевдоисторическим новоделом. Это наглядно проявилось в центральном сооружении Сечи — Покровском храме. Дело в том, что на сегодня не сохранилось не то что чертежей сечевого храма, но и подробного описания этого строения. Это дало основание сотрудникам Национального заповедника «Хортица» предложить не пытаться воссоздать внешний вид храма ни по одному из описаний, которые имеются в наличии, а «создать путем исторических аналогий обобщающий образ сечевой церкви». Причем предложение (которое некорректно названо «реконструкцией сечевой церкви») состояло в «принятии за образец» Троицкой церкви села Пустовойтовка на Сумщине, построенной по заказу последнего кошевого атамана запорожцев П. Калнышевского — «тридольной трехбанной церкви бойковского типа». Основанием для такого варианта служат ссылки на копии гравюр с изображением Сечи, аутентичность которых является недоказанной и вызывает серьезные сомнения. Этот проект нашел воплощение в рабочей документации, составленной государственным проектным институтом «Запорожгражданпроект», был представлен в экспозиции музея Национального заповедника «Хортица», а на сегодня церковь уже построена. И те, кто знаком с описанием А. Скальковского, с гравюрой «Церковь, рада и курени Запорожские в 1773 году», опубликованной А. Шмидтом в «Записках Одесского общества истории и древностей», обязательно обращают внимание на несоответствие им этого сооружения [См.: 6; 8; 9; 11]. При этом, по наблюдению

И. Сапожникова, изображение сечевого храма на гравюре, хотя и не является совершенно точным и имеет ряд нарушений пропорций, «неплохо соотносится с характеристикой храма, записанной А. Скальковским»[13, с. 185], на котором изображен пятиглавый, а не трехглавый, храм (который таки был сооружен недавно на Хортице).

Впрочем, ситуация с новоделом «казацкой» церкви на Хортице и с Историко-культурным комплексом «Запорожская Сечь» в целом является лишь частным проявлением специфики формирования «казацкого» образа Запорожья.

Скажем более. Сама точка зрения, что на острове Хортица существовала Сечь, является спорной и ставится под сомнение многими историками. В этом плане была очень показательной встреча, проведенная недавно, 1 июня 2013 г., на территории Национального заповедника «Хортица» в рамках Всеукраинской научной конференции «Запорожская Сечь и украинское казачество». На этой встрече генеральный директор Национального заповедника предложил историкам наконец поставить точку в вопросе, существовала ли когда либо Сечь на Хортице. При этом в пользу соответствующей точки зрения были названы в том числе и этнографические источники XIX в. (это при том, что существование предположительной Хортицкой Сечи относится к XVI в.). Однако в ответ прозвучали аргументы, что на сегодня нет неопровержимых доказательств такого существования. Вместе с тем (что особенно важно в контексте тематики этой статьи), историки сошлись на том, что неоспоримым является факт ассоциирования в народном сознании (причем — не только современном) Хортицы с Запорожской Сечью. Именно этот факт нашел отражение и в этнографических материалах XIX в., и в ряде других источников. И, что важно, историки именно этот факт и предложили популяризировать. Причем популяризировать в том числе и с целью стимулирования интереса туристов как непосредственно к острову Хортица, так и к городу Запорожье в целом.

Все изложенное выше напрямую касается и проблемы, сформулированной непосредственно в названии этой статьи. Четкая привязка в общественном сознании Сечи к Хортице и городу Запорожье, наряду с совпадением названия города и названия всех земель запорожского казачества (для размежевания соответствующих понятий в украинском языке в свое время было предложено обозначать все, что касается запорожского, казачьего края как «запорозький», а всего касающегося города Запорожье — «запорізький») сказала на том, что фраза «на Запорожье женщин не пускали» часто приводится без оговорок, что иногда приводит к экстраполяции этого утверждения на весь Запорожский край (а не только непосредственно на Сечь как его административный центр) или же непосредственно на территорию города Запорожья.

Следует отметить, что историография истории запорожского казачества имеет довольно влиятельной составляющей восприятие запорожцев как «рыцарского ордена», «христианского воинства», «мужского союза».

На формирование соответствующей историографической традиции большое влияние оказал еще Аполлон Скальковский, в 1841 г. опубликовавший книгу «История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского». Одним из лейтмотивов книги является стремление обосновать, что запорожское войско представляло собой войсковое братство, сравнимое с католическими монашеско-рыцарскими орденами. Среди аргументов в пользу такого сравнения Аполлон Скальковский называет и безбрачность запорожцев. «Официальный историограф», служивший под началом Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. М. Воронцова, Аполлон Скальковский имел возможность работать с документами Коша Новой Сечи и другими источниками, многие из которых на сегодня являются утраченными. К ним и апеллировал исследователь, утверждая, что запорожцы взяли обет безбрачия (*castilitatis*) и так строго его придерживались, что во всех тысячах изученных документов женщины даже не упоминаются. Только один документ касался уголовного дела о преступлении против невинности. Согласно Скальковскому, только неженатые считались собственно запорожским воинством, «товариществом», принимали участие в «войсковых подвигах» и имели право на получение военных должностей и званий. Женщинам навсегда было запрещено посещать Сечь. Причем исключение не делалось ни для матерей, ни для сестер, ни для дочерей, укрывательство которых на Сечи считалось уголовным преступлением и жестоко наказывалось, вплоть до казни. Причем подобный запрет касался не только Сечи, но и находящегося при ней ретраншемента, где стоял российский гарнизон [14, с. 76 – 78].

Важно, что Аполлон Скальковский справедливо считается одним из родоначальников изучения истории запорожского казачества, и его работы оказали большое влияние на последующие поколения исследователей.

Соответствующее восприятие запорожцев как ордена имеет адептов и ныне. В этом контексте достаточно красноречивым является название статьи Романа Багдасарова «Земной образ ангельского воинства. Запорожская Сечь как православный рыцарский орден».

Здесь исследователь пишет, что семейные казаки на территории Сечи жить не могли. Правда, ниже автор статьи ставит вопрос, выполнялось ли правило безбрачия на деле. Этот ответ здесь оставлен Романом Багдасаровым без ответа, если не считать таковым приведенную им цитату из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», где запорожец, отвечая на вопрос царицы, говорил: «Ведь человеку без жинки нельзя жить... Мы не чернецы, а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скоромного. Есть у нас немало таких,

которые имеют жен, только не живут с ними на Сече» [1, с. 15]. Роман Багдасаров пишет и о «освобождение [запорожцев] от уз плотской жизни», и о «женофобии» как одной из составляющих духа «славного Запорожья». [1, с. 16 – 17].

В пользу соответствующей концепции часто приводится (в том числе, и теми самими Аполлоном Скальковским и Романом Багдасаровым) аргумент об особом почитании запорожскими казаками Покрова Пресвятой Богородицы.

Действительно, на Запорожье (причем, не только непосредственно на территории Сечи) почитание Покрова было очень распространено. Напомним, что согласно преданию, записанному в «Житие Андрея Юродивого», во время наступления мусульман во Влахернском храме явилась Богородица в окружении святых. Она вышла из царских ворот, сняла омфор и покрыла им присутствующих, спасая от смертельной опасности. Еще задолго до основания Новой Сечи, в 1659 г. запорожцы основали на Чортомлицкой Сечи церковь в честь Покрова Богородицы. Значительно распространилось почитание Покрова в период Новой Сечи. Уже вскоре после выхода из под крымской протекции в честь Покрова была заложена сечевая церковь [10], а всего в 1734 – 1775 гг. на Запорожских Вольностях существовало более десяти религиозных сооружений во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В его честь казаки ежегодно устраивали праздник на Сечи. Покров настолько почитался запорожцами, что на храмовый праздник они собирались на Сечи даже тогда, когда там свирепствовала эпидемия чумы. Так, в конце сентября 1751 г. запорожцы, которые на время эпидемии разъехались по зимовникам, вернулись в Сечь почтить Покров. Вследствие этого эпидемия вспыхнула с новой силой, и от нее погибло несколько куренных атаманов и старшин, многие рядовые казаки и служители Покровской церкви иеромонах Игнатий, первый диакон Феодор, монах Феона, свичкар и школьный атаман Грицько Волик.

Среди причин, по которой запорожцы издавна почитали Божью Матерь, называется и то безбрачие, которого придерживалось сечевое товарищество: казаки, запретив пребывание на Сечи женщин, отдали себя под покровительство Богородицы — Пречистой и Непорочной Девы Марии, которая всегда оставалась Приснодевой [15, с. 63]. Под покровом Приснодевы запорожцы должны были сохранить невинность («цноту») [1, с. 15].

Впрочем, чествование запорожцами Покрова Пресвятой Богородицы как минимум имело несколько других причин [7]. Оно берет начало с тех времен, когда главными врагами казаков были татары и турки. Покров, символизируя защиту христиан в их борьбе с мусульманами, оказался наиболее близким для запорожцев. Кроме того, частое пребывание в военных походах, постоянная опасность со стороны соседей принуждали казаков обращаться за помощью и покровительством к небесным силам. Покров как нельзя лучше соответствовал требованиям такой жизни. В период Новой Сечи, когда на права Войска

Запорожского велось наступление со стороны центрального правительства, Покров стал символизировать для казаков защиту от посягательств Петербурга. Это нашло яркое выражение в иконах, написанных во второй половине XVIII в. [12, с. 37].

Говоря о гендерной ситуации на землях запорожских казаков следует отметить, что и во времена существования Сечи, и более чем через 100 лет после ее ликвидации в регионе действительно численно преобладало мужское население [2; 3], что также влияло и влияет на гендерный образ Запорожья. Однако здесь объяснение следует искать не в безбрачии запорожцев как следовании традиции «ордена».

Важно отметить, что тезисы не только о безбрачии запорожцев и отсутствии у них «следов женского присутствия», но и о «полупренебрежительном» отношении казаков к женщинам имеют много обоснованных контраргументов. На поприще их поиска особенно продвинулся Александр Кривоший, который, согласно его же формулировке, с 1994 года «лупает» миф о безбрачии запорожцев и их однополые сексуальные отношения [5, с. 140].

Впрочем, это не мешает тому, что соответствующие мифы продолжают жить и доныне.

Интересно, что в последнее время мифотворчество вокруг образа Запорожья получило новую составляющую. 26 июня 2012 г. на сессии городского совета о 50 депутатов (при 1 депутате против) проголосовали за признание 952 года (времени первого письменного упоминания о Крайской переправе через Днепр) датой основания Запорожья. Правда, это решение еще не является окончательным, и его «рассмотрят в профильных учреждениях, оценят влияние на имидж города и другие аспекты». Тем самым возраст города хотят «удревнить» более чем на 800 лет, поскольку на сегодня официальной датой основания Запорожья (экс-Александровска) считается 1770 г., когда в последние годы перед ликвидацией Новой Сечи и запорожского казачества на запорожских землях была заложена Александровская крепость.

О том, что такие попытки «удревнения» возраста Запорожья являются именно мифотворчеством, свидетельствует, в частности, анализ, проведенный исследовательницей урбанизационных процессов в регионе В. Н. Константиновой. Согласно ей, при том, что единого подхода к определению датировки возраста городов не существует, большинство ученых склоняется к тому, что следует учитывать возраст того поселения, которое стало ядром будущего города, и то лишь в случае, если городская традиция не прерывалась. Место же Крайской переправы отнюдь не стало ядром будущего города (более того, оно вошло в состав города гораздо позже, чем Александровск получил городской статус). Кроме того, нет оснований говорить о том, что со времен первого письменного упоминания о переправе городская традиция здесь не прерывалась. Более того, нет достаточных оснований во-

обще говорить о непрерывности существования любого населенного пункта на территории переправы [4].

Очень показательны в контексте тематики образов городов, стереотипов и мифотворчества, что во время обсуждения на сессии Запорожского городского совета вопроса о «удревнении» даты основания города один из депутатов сказал: «Есть исторический факт, нет факта, но за бесплатный пиар надо голосовать!»

Таким образом, есть основания говорить о том, что:

- Историография истории запорожского казачества имеет довольно влиятельной составляющей восприятие запорожцев как «рыцарского ордена», «христианского воинства», «мужского союза»;
- Утверждение, что «на Запорожье женщин не пускали», и рядом профессиональных историков, и тем более — краеведами, экскурсоводами часто приводится без оговорок. Имеет место экстраполяция этого утверждения на весь Запорожский край, а не только непосредственно на Сечь как его административный центр;
- На сегодня в общественном сознании город Запорожье четко ассоциируется с «колыбелью запорожского казачества», Запорожской Сечью;
- Такому восприятию не препятствует то, что сам факт существования Сечи на территории современного Запорожья (о. Хортица) является довольно спорным и оспаривается многими исследователями. Закреплению мифа способствует и строительство с 2004 г. на о. Хортица Историко-культурного комплекса «Запорожская Сечь», который сам даже в архитектурном плане во многом является псевдоисторическим новоделом;
- Сам имидж города Запорожья как «столицы запорожского казачества» во многом развился в советское время, после переименования в начале 1920-х гг. в Запорожье города Александровска. Александровску в борьбе за новое название тогда по ряду причин уступил другой претендент — Екатеринослав (нынешний Днепрпетровск), чьи казаческие корни значительно реальнее, чем у экс-Александровска.

Case study Запорожья во многом является показательным в плане стереотипных символов, формирующих и региональную идентичность.

Список источников и литературы

1. Багдасаров Р. Земний образ ангельського воїнства. Запорозька Січ як православний лицарський орден // Людина і світ. 1997. № 3 (березень). — С. 15 – 24.
2. Константинова В. Н. Гендерный аспект структуры городского населения Таврической губернии в конце XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 2 (1). — С. 208 – 213.

3. Константинова В. Н. Городское население Российской империи конца XIX века: гендерный аспект (на примере Екатеринославской губернии) // *Женщина в российском обществе*. № 4 (53). 2009. — С. 83 – 93.

4. Константинова В. М. Про можливість зміни дати заснування міста Запоріжжя // *Фронтири міста: історико-культурологічний альманах* / ред. В. В. Грибовський. — Дніпропетровськ: Герда, 2012. Вип. 1. — С. 273 – 275.

5. Кривоший А. Гендерні виклики фронтової повсякденності козацького Запорожжя у науковому доробку українських істориків (1946-1991 рр.) // *Українознавчий альманах*. — Випуск 11. — К, 2013. — С. 140 – 145.

6. Лиман І. І. Зведення Покровської церкви комплексу «Запорозька Січ» на Хортиці: безсилість аргументів науковців перед чиновничою бюрократією // *Нова Січ* [Електронний ресурс]. — Режим доступу: www.novasich.org.ua/index.php?go=News&in=view&id=839 (дата звернення: 27.09.2013).

7. Лиман І. І. Культ Покрови і тенденції в іменуванні храмів Південної України (1734-1837 рр.) // *Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпряни*. — Запоріжжя: Просвіта, 2006. — Вип. 16. — С. 7 – 11.

8. Лиман І. І. Січова Покровська церква і проблемні питання реалізації проекту її реконструкції у історико-етнографічному комплексі «Запорозька Січ» // *Матеріали науково-практичного семінару „Актуальні проблеми та перспективи дослідження історії козацтва”*, м. Запоріжжя, 1-2 квітня 2005 р. — Запоріжжя, 2005. — С. 32 – 37.

9. Лыман И. И. Войсковой собор в Екатеринодаре — потенциальный образец для воссоздания сечевой Покровской церкви // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность: Сборник материалов VI международной научно-практической конференции «Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность» (Россия, г. Краснодар, 22 февраля 2007 г.). — Краснодар: ИМСИТ, 2007. — С. 257 – 260.

10. Лыман И. И. Документы о судьбе имущества Сечевой Покровской церкви после ликвидации Вольностей Войска Запорожского // *Гуманитарная мысль Юга России*. 2006. № 1. — С. 79 – 93.

11. Лыман И. И. «Сечь» на Хортице: фальсификация или реставрация // *Экспедиция XXI*. — 2008. — № 7. — С. 7.

12. Плохій С. Покрова Богородиця в Україні // *Пам'ятки України*. 1991. № 5. — С. 32 – 39.

13. Сапожников І. В. Запорозька військова церква Покрова Пресвятої Богородиці // *Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII – XIX століття*. Вип. 7. — Запоріжжя: РА «Тандем-У», 2003. — С. 183 – 191.

14. Скальковський А.О. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. — Дніпропетровськ: Січ, 1994. — 678 с.

15. Феодосий (Макарьевский). Исторический обзор православной христианской церкви в пределах нынешней Екатеринославской епархии до времени формального открытия ея. — Екатеринослав, 1876. — 398 с.